

*Р.Ю. Почекаев**

**Проблемы статуса российских подданных в
Кульдже после её возвращения Китаю (1881 г.)****

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается проблема правового положения российских подданных в Кульдже (Илийском крае) после того, как она была возвращена империи Цин после 10-летнего пребывания в составе Российской империи. Анализируется позиция властей в отношении различных категорий русско-подданных в регионе, а также мнения, высказываемые на страницах русской прессы учёными, общественными деятелями, журналистами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кульджа, Илийский край, Российская империя, империя Цин, правовой статус российских подданных за рубежом, К.П. фон Кауфман.

Согласно Санкт-Петербургскому договору 1881 г., Российская империя возвращала империи Цин Илийский край, в течение десятилетия находившийся под российским управлением под названием Кульджинского района (1871–1881). Одним из важнейших вопросов, нашедших отражение в этом договоре, стало урегулирование статуса российских подданных в регионе после восстановления в нём китайского правления. Положения по этому вопросу (как, впрочем, и договор в целом) стали результатом компромисса не только между

* Почекаев Роман Юлианович, к.ю.н., профессор, Кафедра теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; E-mail: ropot@mail.ru

** Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 18-01-0005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Россией и Китаем, но и между различными властными структурами самой Российской империи, которые в течение ряда лет не могли прийти к единому мнению относительно судьбы Кульджи. В результате далеко не все категории русских подданных, оставшихся в Кульдже после её передачи Китаю, получили достаточно чёткие гарантии защиты своих прав.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа правового положения различных категорий подданных Российской империи, при разных обстоятельствах и по разным причинам оказавшихся в Илийском крае. Автор рассматривает процесс и результат выработки соответствующих юридических норм, а также их реализацию на практике. Источниками исследования стали официальные документы (международные и внутрироссийские), свидетельства современников, мнения представителей органов власти, учёных и общественных деятелей, нашедшие отражение в прессе и личных записях.

Состав российских подданных, оказавшихся на рубеже 1870–1880-х гг. в Кульдже, был неоднородным. Соответственно, их права и интересы в разной степени нашли отражение в правовых актах, оформивших возвращение региона империи Цин.

Приняв решение о передаче Илийского края Китаю, российские власти неоднократно поднимали вопрос о защите прав и законных интересов тех подданных Российской империи, которые оказались в этом регионе (и вообще в Северо-Западном Китае) ещё до мусульманского восстания 1860–1870-х гг., т.е., прежде всего, о торговцах и дипломатических представителях России.

Переговоры в связи с возвращением Кульджи были сочтены российскими правительственными кругами удачным предложением для закрепления условий Кульджинского трактата 1851 г. и получения дополнительных льгот для русских торговцев [8, с. 178–179]. Однако, делая тем самым своего рода задел на будущее, имперские власти также подняли вопрос и о компенсации реального ущерба, причинённого российским подданным как со стороны восставших мусульман Восточного Туркестана, так и со стороны китайцев не только в Кульдже, но и в Западном Китае в целом [17, р. 52]. Последнее обстоятельство было связано с тем, что цинская администрация в течение второй половины 1870-х гг. неоднократно притесняла российских торговцев в своих владениях, объявив своего рода «экономические санкции» до тех пор, пока не будет решён вопрос о Кульдже [12, с. 44, 88].

Впервые проблему возмещения ущерба, причинённого русским подданным в Западном Китае, поднял туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман. Именно он изначально стоял на позиции безусловного возвращения Илийского края империи Цин — при

условии выплаты в пользу России крупной денежной суммы, которую определял в 1878 г. в 120 млн руб., а годом позже — в 60 млн [6, с. 70; 7, с. 906–907; 8, с. 176–177; 17, р. 52, 54]. Рассматривая эту выплату, прежде всего, как контрибуцию, своего рода «штраф за все самодурства их (китайских. — *Р.П.*) пограничных властей», Кауфман также включил в неё не только издержки на содержание российских войск в Кульдже, но и возмещение ущерба, причинённого русским торговцам и другим подданным России в Китае, компенсации тем, кто будет вынужден свернуть свои дела после восстановления китайской власти, а также выплаты семьям тех русских подданных, которые погибли во время мусульманского восстания [6, с. 70].

Предложение К.П. фон Кауфмана было крайне негативно воспринято руководством российского МИДа и Минфина — возможно, во многом из-за того, что эти ведомства традиционно конфликтовали с Военным министерством, в ведении которого находился туркестанский генерал-губернатор. В результате министры, которые, казалось бы, первыми и должны были бы поднять этот вопрос, раскритиковали позицию Кауфмана. Так, товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс определил ущерб, причинённый русским подданным в Кульдже, не более чем в 0,5 млн руб., тогда как требование Кауфмана возместить все потери русских подданных во время восстания в Западном Китае, по его мнению, «было бы несправедливо». Министр финансов С.А. Грейг вообще готов был отказаться от компенсации убытков для заключения мирного договора с Китаем. Вместе с Гирсом он обвинил Кауфмана в том, что тот специально предлагает условия, которые заставят империю Цин отказаться от заключения договора [4, р. 773–774; 8, с. 198]¹.

Тем не менее, хотя позиция Кауфмана и была поддержана только другими представителями Военного министерства (в частности, его давним соратником А.Н. Куропаткиным, занимавшим в это время должность начальника Азиатской части Главного штаба), по воспоминаниям военного министра Д.А. Милютин, «по-видимому, понравилось государю» [6, с. 71]. В результате вопрос о денежном возмещении России и её подданным был включён в русско-китайские соглашения — сначала Ливадийский договор 1879 г. (5 млн руб.), а затем и в Санкт-Петербургский договор 1881 г. (уже 9 млн руб.) [10,

¹ Интересно отметить, что оппоненты Кауфмана, продемонстрировав незаинтересованность в получении денежной компенсации от Китая за возвращение ему Кульджи (в т.ч. и для компенсации торговых убытков), тем не менее, обвинили генерал-губернатора в том, что тот ставит «местные интересы» Туркестана выше торговли России с Китаем в целом [4, р. 774].

с. 56]². Впрочем, сам К.П. Кауфман оценил этот компромисс весьма пессимистично, отметив в одном из писем: «Кульджинское дело провалилось, кажется, совсем» [7, с. 908].

Российские торговцы, получив право беспошлинной торговли в Западном Китае, впрочем, не всегда могли в полной степени реализовать его. Во-первых, сами же китайские власти неоднократно (в результате обращений собственных торговцев) старались ограничить привилегии русских купцов — например, заявляя, что налогами не облагаются только товары российского производства, тогда как на китайские товары русско-подданные также должны платить налоги [2, с. 333]. Во-вторых, как отмечали российские публицисты, российские предприниматели получили льготы по сравнению с местными торговцами, но никак не с другими иностранными — европейскими и американскими, так что преимущества их весьма относительны [1, с. 498]. Весьма скептически оценивались и возможности российских консульств (учреждение которых также предусматривалось договором 1881 г.) защитить интересы русских торговцев и других русско-подданных в Кульдже [15, с. 254–255]. Впрочем, несмотря на опасения, и на их оправданность в дальнейшем, исследователи уже в конце XIX — начале XX в. отмечали, что российская торговля и российское присутствие в Кульдже существенно возросли, и русско-подданным принадлежало «чуть не 2/3 пространства» в городе [16, с. 15].

Очень большое значение российские имперские власти придавали защите интересов местных жителей, которые приняли российское подданство либо в период пребывания Кульджи под российским управлением, либо непосредственно в период её передачи Китаю (1881–1882 гг.). Следует отметить, что противники возвращения Кульджи империи Цин приукрашивали ситуацию с переходом местного населения в российское подданство. Так, в частности, синолог В.П. Васильев утверждал, что как только русские войска вошли в Кульджу в 1871 г., местные жители стали массово признавать подданство Российской империи [3, с. 131]. На самом деле ничего подобного не было — напротив, К.П. фон Кауфман и семиреченский военный губернатор Г.И. Колпаковский прямо предписывали представителям российских властей в Кульдже «воздерживаться от положительных мероприятий и нововведений» [11, с. 128]. В дальнейшем,

² Именно столь значительное уменьшение суммы, изначально названной К.П. фон Кауфманом, позволило газете «Голос» в 1879 г. утверждать, что она представляет собой не контрибуцию или «плату за уступку края» (как писала британская пресса), а именно компенсацию понесённых расходов [12, с. 39].

когда вопрос о возвращении Кульджи Китаю уже был принципиально решён, имперские власти не только не проводили никакой агитации среди местного населения в пользу принятия российского подданства, но и, напротив, призывали их сохранять спокойствие и признавать возвращающиеся китайские власти [12, с. 174]. В частности, в 1880 г. исполняющий должность военного губернатора Семиреченской области генерал-майор П.К. Эйлер издал циркуляр, в котором гарантировал населению Кульджи защиту со стороны России, которая не позволит цинским властям преследовать местных жителей за восстание [12, с. 65]³. Аналогичным образом поступал и пограничный комиссар генерал-майор А.Я. Фриде, который должен был осуществлять контроль со стороны России процесса перехода Кульджи под власть империи Цин [8, с. 200].

Однако подобные заявления русских властей не выглядели достаточно убедительными в глазах населения Кульджи, уже успевшего узнать о расправах, которым цинские власти подвергли мятежное население соседнего Восточного Туркестана. В результате, когда стало известно о ведении переговоров, а затем и о подписании договора о возвращении Кульджи, местные жители, особенно таранчи и дунгане стали, и в самом деле, в большом количестве переходить в российское подданство.

Их решение в значительной степени подкреплялось ещё и тем, что далеко не все представители властей и российской общественности верили тому, что цинская администрация будет соблюдать включённое в Санкт-Петербургский договор условие не преследовать население Кульджи за участие в восстании. Так, например, известный учёный-геолог И.В. Мушкетов в газете «Голос» в 1879 г. прямо писал: «Отдать Кульджу китайцам — значит буквально обречь на заклятие её 100 000 население» [12, с. 7]. Допускал такую возможность даже российский посланник в Китае Е.К. Бюцов, настаивая на включение в договор с империей Цин гарантий защиты населения Кульджи от репрессий [9, с. 209, 211].

Но, пожалуй, наиболее красноречиво свою позицию выразили туркестанские власти. В конце 1879 — начале 1880 г. в Кульджу был направлен представитель МИД, российский консул в Урге Я.П. Шишмарёв, и практически одновременно с ним по приказанию К.П. фон Кауфмана — начальник штаба войск Сырдарьинской области полков-

³ Правда, в газете «Голос», где анализировался этот документ, довольно ехидно поинтересовались, как именно автор циркуляра намерен обеспечивать обещанные гарантии, а также предположили, что он в большей степени был адресован не жителям Кульджи, а европейским властям [12, с. 67, 68].

ник П.П. Матвеев. Каждый из них представил собственный отчёт о ситуации в регионе, причём Матвеев весьма высоко оценил вероятность расправы цинских властей с населением Кульджи, тогда как Шишмарёв не согласился с ним и не увидел оснований так беспокоиться за судьбу местных жителей. Тем не менее, Кауфман полностью согласился с доводами своего подчинённого и признал лучшим средством спасения мусульман Кульджи их переселение в пределы России [8, с. 181–187]. При этом на особом совещании по кульджинскому вопросу в 1879 г. он заявил, что для 4 000 переселенцев найдёт место в пределах Семиреченской области, но если их число будет больше, то возникнет необходимость «прирезки» части территорий самого передаваемого Илийского края [4, р. 774–775] (что в итоге и было предусмотрено ст. 7 договора 1881 г.).

Последующие события показали, что опасения и местного населения, и российских властей были небезосновательны. Вскоре после возвращения региона китайские власти стали всячески притеснять местное население, причём не только оставшееся в подданстве Китая, но и ту его часть, которая уже перешла или намеревалась перейти в подданство России. Корреспонденты российских газет из Кульджи в 1882–1883 гг. сообщали о многократных случаях нападения китайцев и их сторонников (в частности, монголов-сибирцев, служивших в городской страже) на мусульман, в т.ч. и русских подданных [13, с. 231; 14, с. 78] и насильственного захвата оставленного имущества жителей, переселившихся в Россию, грабежа и даже убийств тех русских подданных, которые отправлялись в Россию для выплаты полагавшихся налогов и сборов и т.д. [14, с. 28]. Когда же представители российской комиссии во главе с А.Я. Фриде пытались проводить следствие в отношении таких действий китайских властей, последние уклонялись от сотрудничества с ними [15, с. 229]. В результате уже в первые месяцы после заключения Санкт-Петербургского договора десятки и сотни таранчей и дунган стали переезжать в Россию. Согласно сведениям «Биржевой газеты», в 1883 г. в Степном крае проживало 100 тыс. таранчей и 20 тыс. дунган из Илийского края [15, с. 269].

Не вполне определенным было положение тех, кто намеревался принять российское подданство уже после передачи Кульджи Китаю. В частности, уже ст. 4 договора 1881 г. предусматривала, что право собственности на участки в Илийском крае сохраняется только за теми русскими подданными, которые стали таковыми до заключения договора. Кроме того, если участки находились за пределами русской фактории, то даже российские подданные должны были платить цинским властям налоги с них, как и китайские подданные [10, с. 55]. Ст. 2 договора предусматривала, что «китайские

власти не будут чинить каких-либо препятствий» к выезду пожелавших принять подданство Российской империи до 10 марта 1883 г., однако цинские чиновники зачастую заявляли, что это обещание недействительно, и препятствовали действиям местных жителей, желавших покинуть Кульджу [8, с. 212].

Анализируя события последующих лет, современники упоминают, впрочем, и обратную ситуацию: переселенцы из Кульджи (большая часть таранчи), не найдя на новом месте достаточного количества плодородной земли, бежали обратно в Илийский край. Но поскольку они к этому времени считались уже русско-подданными, российские власти требовали от цинской администрации их возвращения, каковое и осуществлялось при участии российского консулства. В результате таранчей заставляли бросать имущество в Кульдже и в нищенском состоянии возвращаться в пределы России, что, конечно же, сильно ухудшало их отношение к российской администрации. Соответственно, исследователи предлагали отказаться от насильственного возвращения беглецов и позволить им жить в Кульдже, платя при этом налоги в российскую казну.

Отдельно поднимался российскими властями вопрос относительно кочевого населения окраин Российской империи, граничивших с Илийским краем. Пока регион пребывал под российским управлением, эти кочевники (казахи и киргизы) спокойно перемещались из Семиреченской области в Кульджинский район, что неоднократно отмечалось администрацией области и, в частности, её военным губернатором Г.И. Колпаковским в рапортах К.П. фон Кауфману [8, с. 173–174]. Естественно, после восстановления власти Цин над Илийским краем подобные перекочёвки стали официально пресекаться, однако фактически контролировать перемещение кочевников было довольно затруднительно.

Более того, цинские власти попытались использовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах — в частности, неоднократно приглашали кочевников-киргизов (которых в то время именовали «бурутами» или «кара-киргизами») перекочёвывать в Китай, принимать его подданство и селиться в тех местах, которые опустели после массовой эмиграции таранчей и дунган [14, с. 62, 75]. В свою очередь, власти Российской империи предъявляли требования о возвращении этих подданных, однако не всегда успешно. Дополнительные затруднения в этом вопросе составляло традиционно «легкомысленное» отношение кочевников к самому институту подданства, тем более что сами упомянутые киргизы (в отличие от казахов, признавших российское подданство уже в первой половине XVIII в.) перешли под власть Российской империи сравнительно

недавно, и система контроля их со стороны имперской администрации не была достаточно эффективной.

Исследователи не без оснований считают ситуацию с Кульджой практически уникальным случаем в отечественной истории: присоединённая к Российской империи территория была мирно уступлена государству, в составе которого она находилась прежде⁴. Соответственно, и статус российских подданных на этой территории фактически определялся российскими властями «с нуля», что и вызывало многочисленные упомянутые проблемы, касающиеся как самих прав подданных, так и возможностей их защиты имперскими властями. Немало проблем создавало постоянное противостояние отдельных властных структур Российской империи, в рамках которого интересы русских подданных в Кульдже стали своего рода разменной монетой. Вместе с тем, несмотря на многочисленные проблемы, нельзя не признать, что договор с империей Цин 1881 г. существенно укрепил позиции России в Западном Китае, позволив проводить более активную дипломатическую и экономическую деятельность.

Литература

1. *Б.Б.* О двух договорах, заключённых между Россией и Китаем в 1879 и 1881 годах // *Отголоски*. 1881. № 10.
2. *Богоявленский Н.В.* Западный застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нём русских подданных. СПб., 1906.
3. *Васильев В.П.* Две китайские записки о падении Кульджи и занятии её русскими войсками // *Русский вестник*. № 99. 1872.
4. *Воскресенский А.Д.* Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // *Cahiers du monde russe*. 1994. Vol. 35. No. 4.
5. *Горшенина С.* Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // *Ab Imperio*. 2014. № 2.
6. *Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой; 2-е изд., доп. и испр. М., 2010.*
7. *Кадников В.С.* Из истории Кульджинского вопроса // *Исторический вестник*. № 6. 1911.
8. *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003.
9. *Нарышкин А.К.* «Если домогательства наши будут удовлетворены, отдача Кульджи не будет бесплодной жертвой». Записка посланника России в Китае Е.К. Бюцова. 1878 г. // *Исторический архив*. 1999. № 4.

⁴ Другим таким примером является возвращение в 1730-е гг. Персии ряда территорий, захваченных во время Персидского похода Петра I в 1722–1723 гг. [5, с. 112].

10. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958.
11. Туркестан в имперской политике России: Монография в документах / Б.М. Бабаджанов, Т.В. Котюкова, О.А. Махмудов, С.Н. Абашиш. М., 2016.
12. Туркестанский сборник. Т. 245.
13. Туркестанский сборник. Т. 298.
14. Туркестанский сборник. Т. 326.
15. Туркестанский сборник. Т. 331.
16. Хохлов А.Н. Дунганское восстание в Китае 1860–1870-х годов и поездка академика В.П. Васильева в Кульджу в 1890 году // Восточный архив. 2013. № 2 (28).
17. Hsü I.C.Y. The Ili Crisis: A Study of Sino-Russian Diplomacy, 1871–1881. Oxford, 1965.

*R.Yu. Pochekaev**

**Problems of the Russian subjects' status in Kuldja
after its restitution to China (1881)**

ABSTRACT: Article deals with the problem of the Russian subjects' legal status in Kuldja (Ili Region) when it was returned to the Qing Empire after ten years long stay in the Russian Empire. The position of the Russian state authorities on different categories of Russian subjects in the region is analyzed as well as opinions of scientists, public figures, and journalists on pages of Russian newspapers.

KEYWORDS: Kuldja, Ili Region, Russian Empire, Qing Empire, legal status of Russian subjects abroad, Konstantin von Kaufman.

* Pochekaev Roman Yulianovich, Ph.D. (Law), professor of the National Research University of the Higher School of Economics, Department of Theory and History of Law and State (St. Petersburg, Russia; E-mail: ropot@mail.ru)